

Юрий Касянич – поэт, обладающий зорким взглядом. Он видит то, что невидимо для других. И щедро делится с читателем своим видением: «одноногие сосны стоят, а как будто идут, если медленно взгляд поворачивать в сторону поля»... Метафоры и образы, которыми насыщены его стихи, точны и выразительны, наполнены живым дыханием. Ему свойствен яркий поэтический жест.

Д. Ч.

ЗА ГОРОДОМ

тут спокойно и мирно, не щурятся больше глаза,
тишину приминает резиной автобус несчастый,
что вдоль хлебного поля везёт, кинолентой скользья,
в кадрах – судьбы чужие с набором удач и несчастий.

на комод в прихожей, наверно, звонит телефон –
доказательством едим, что всё же кому-то ты нужен;
ты не слышишь его, ты сегодня наелся с лихвой
разговоров и басен, врагу отдавая свой ужин.

ты уходишь в луга, чтобы благодаренье воздать
за цветенье и запах, за жизни, что прожиты честно,
и из глуби небесной всплывает, как рыба, звезда,
будто воздуха хочет глотнуть, чтобы снова исчезнуть.

и опять – тишина. видно, все поголовно ушли.
по грибы ли, на выборы или за птицей удачи...
встрепенувшись внутри, воробьиный комочек души
на ладонь вылетает, сомнений и страха не пряча.

сердце сентиментальное жжалось, привыкшее тут
красотой восхищаться и падать от пристальной боли;
одноногие сосны стоят, а как будто идут,
если медленно взгляд поворачивать в сторону поля...

СОЛНЕЧНАЯ НОЧЬ

Давай собьём шестом гнездо кукушки.
Давай изобретём велосипед!
Иначе – скучно в этих адских кущах...
Давай переходить на красный свет!

Давай не будем говорить неправду.
Давай затеем честную войну.
Давай налево, чтоб потом – направо,
пока не дан приказ идти ко дну...

Кому на эвтаназию билетик?
Сегодня – скидки, если жить невмочь...
Как чёрное пронзительно белеет!
Какая нынче солнечная ночь!

Незрячие пришли в театр абсурда,
где пантомимы сурдоперевод.
Годо, нас некому забрать отсюда,
нас кинул парус, кинул пароход.

Что ж, будем пить. Потом, смеясь, как йети,
пойдем туда, откуда красный свет,
на ощупь, подпевая оперетте:
раз жизни нет, то смерти тоже нет.

ПРАЗДНИК

Вновь ноябрь собрался в гости.
Прóжит год – нелёгкий труд.
На траве – узором – кости.
Ведьм качает на ветру.

У порога монстры встали.
Здравствуй, праздник Хэллоуин!

Чтобы нервы крепче стали,
вышибаем клином клин.

Чтоб ушла твоя тревога,
в помощь сердцу и уму
тыква скалится с порога,
отгоняя злых во тьму.

Дети клянчат сладкой дряни.
Прокисает Млечный путь.
Йоги, вегетариане,
помогите, кто-нибудь...

Сколько в мире околесит!
Разве ж я о том просил?
Вышел Хэллоуин из леса.
Светлый праздник тёмных сил.

СОК

сочное время
ньютонова антоновка
созрело в саду сентября
время не переставая торопиться
срывается с веток на черепицу
скатывается в траву
раскалывая тишину

мы идём собирать эти бело-зелёные яблоки

а потом выжимаем
сок из плодов
острый и ржавый
как гвозди

на которых
всё ещё держится крыша нашей вселенной

ГОРОД

Из забывших меня можно составить город.

И. Бродский

...а звал ли голос в чащу каменного леса,
где фонарей ослепших апельсины,
как муляжи, безжизненны и тусклы,
где полночи абсент сквозь лунный сахар
по капле гулко падает в колодец
чешуйчатой, как рыба, площади
и звук монеткой катится во тьму?
сквозящему проёму переулка,
которым навсегда ушёл однажды,
вернёшь ты одиночество своё,
но он, как был, – безлюдным остаётся;
стоят скульптуры онемело в скверах –
окаменевшие воспоминанья;
глазницы зданий, как у черепов,
черны, твоё не помня отраженье;
и если зыбкой тенью неказистой
мелькнёшь в окне, будто нездешний призрак,
шаманы равнодушного забвенья
очнутя от нешуточной тревоги,
взметнутся небо заслонившей стаей,
и с шелестом крылатых ножниц
промчатся, свет созвездий состригая,
что, догорев, осыплется на плечи,
как семена подсолнуха, как сажа...

а поутру останется лежать
на тротуаре сером тень твоя,
обведена по контуру
лимонным карандашиком зари.

ЭЛЕКТРИЧКА

Осторожно, двери закрываются.
«Свет! Мотор! Последний эпизод!»
Рощи в окнах – табунки гривастые –
вскачь уносят отгоревший год.

Простучит пустою электричкою
время в отдалении своём.
Отзовется личное лирично.
Льётся осень золотым вином.

И куда нас вывезет кривая?
Сосны гнёт, как горлышки Chenet.
Осторожно! Двери закрываются...
Станций на маршруте больше нет.

ДВОЕ

сестра ольха и братец ясень на расстоянии привета
живут, и наш союз – прекрасен, если цитировать поэта.
шумят, когда погода злится, и ветер кронами смиряют,
луны неискренней зеницу от моего окна скрывают.

такая олухов эпоха, ольха, затеялась надолго,
что часто не хватает вдоха! шумит согласной кроной ольга.
вслед песней продолжает ясень: идём к тому, чего боялись...
и хоть прогноз осенний ясен,
но вдруг – иначе? слышишь, янис?

звучат два языка балтийских в одной сплетающейся кроне,
и облако – лоскут батиста, и ничего нет в жизни, кроме
любви, и нежности, и веры, что этот мир не безнадёжен
и теплится в нём чувство меры...
эй, кто там тянет меч из ножен?

как кот, в клубок свернулся вечер, где заросли валерианы.
ольха и ясень – шепчет ветер.
я слышу: ольга. слышу: янис.
играет ночь на контрабасе, спят поводы и подоплеки,
сестра ольха и братец ясень живут совсем неподалеку.

НОЯБРЬ. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

спи, ноябрь, в стойле осени нежно вбирая ноздрями
сиплый воздух; пусть конюх сутулый, от листьев рябой,
ворох лунного сена внесёт; а финал мелодрамы
репетировать станем, когда белый дым над трубой

встанет ночью – до звёзд, как рукав галактической почты, что связует нас с небом, откуда приходят порой письма, полные белых признаний, как новая почесть и соблазн – безотчётно рвануть по бумаге пером...

и пускай черновик ноября безнадежно испорчен – дождь прошёл, как беглец, через поле, оставив следы, – новый сбудется снег, ветви голые пишут, и почерк на странице небес мне знаком, а пророчеств беды

начитался я вдоволь! и сколь ни грозятся прогнозы, чудо вновь вероятно, когда, завернувшись в зарю, выюга в дверь постучит, и рябина, краснея, пригнётся к перекрестью окна, в тон румяному снегирю.

АЛГОРИТМ

Дрозд торопливо склевал
бурое семечко.
Не выросла яблоня.

Ночь скovyрнула точку
с костяшки домино.
Звезда упала.

Человек небрежно стряхнул
пепел сигары.
Началась война.
Бог со стенки вселенной
снял огнетушитель.
Жизнь погасла.

ОДИНОЧЕСТВО

вновь – бежать от себя от постылого самоедства
от сомнений и страхов толкущихся как комары над затылком
на бегу колотя себя в грудь где меж ребер сидит притаившись
как холодное отражение сердца
пучеглазая жаба презрения ко всему что вокруг обступило
и зовётся теперь одиночеством

вновь – шарахнуться в темень от собственной висельной тени
распугать пауков отдыхающих

в прочных капроновых гамаках
и смотреть на изъеденную червяками пространства и времени
откровенно висящую завораживающую луну –
без боязни что кто-то недобрый
заметит сверканье зрачков твоих в тихом и чёрном углу
где баюкаешь ты на руках как младенца своё одиночество

вновь – измученным взглядом что волчьему вою подобен
как пристальным циркулем отмерять в темноте расстоянье
до ближайшей надежды что уже взорвалась и погасла
но обманный мерцающий свет пересекая пространство
всё ещё попадает в глаза твои и насмешливо лжёт
оставляя тебя в одиночестве

вновь – нырнуть в обнажённое тело любимой
как в прозрачное горное озеро
на мгновение вдруг задохнувшись
от озноба – со спины испаряющегося как спирт –
и восторга – пронзающего словно кол до горячего горла
и увидеть – как после промчавшейся бури
остывая уже замирает недавно пылавший пожарами взор
покрываясь ледком одиночества

вновь – как все до тебя – лущить чёрные семечки ночи
под абажуром в котором сияет очищенный апельсин
вдруг услышать во тьме чей-то голос далёкий зовущий
и рвануться по лестнице вниз на ходу надевая пальто
и – как все до тебя – оказаться на заплёванном пустыре
что покрыт шелухою семян вызревавших на солнце
где лишь ветер шуршит
всем шепча
про твоё одиночество

* * *

закрапивела и зачертополошилась
местность несбывающихся снов;
счастье было ли судьбой положено?
в обморок упавшею сосной

перегородило путь в грядущее;
муравьям завал не разобрать;
вдоль заборов – сорняки радушные...
сомневаюсь – мне ли по зубам

грызть орешки века двадцать первого;
сеют рапс, где ластилась трава;
отшутившись сальными припевами,
время катит, как пустой трамвай.

словно озабочена вендеттою,
полночь достоевским топором
зависает над судьбою детскою
там, где было писано пером.

за окном – нытье, пальба, истерики,
пухом опростался тополёк;
там ползут полезные растения –
снять, крапива и чертополох.

УЗЫ

непринадлежность к сектам кастам братствам
что зарастают медленно как ряской
травой самодостаточности
часто
освобождает от унылого обряда
произносить при мимолетной встрече
заученно прискучившие речи
слова что и звучать почти не рады

по жизни опустевшей автостраде
летишь
а вдоль – домá на снежном поле
как в тетради наброском
смазан свет в уютных окнах дымки из труб
и прочие приметы
что возбуждают
желание принадлежать

непринадлежность – кара иль награда?
задумаешься

и тебя накроет волна тоски
от неприкаянности лютой

но вечный код который не отменят
правительства и формы форсмажора
что будучи однажды расшифрован
до дней последних защищает сердце –
призвание дом любовь
а прочему и вправду
пожалуй
нужно
не принадлежать

* * *

В Мюнхене, на площади Шекспира,
в первый день сырого декабря
ветер мне навстречу – как рапира,
словно за вторжение коря.

Я плутаю между поразитель-
ных своим величием церквей.
Город, извини, что я – транзитом,
вихрем принесённый муравей.

Я – скиталец, как цветок, раскрытый
городам, поэтам, островам,
за наивный взгляд, бывало, битый,
снова жду чудес и рождества.

Мюнхена пронзительная проза.
И задор забывчивой толпы.
Не дано истории склероза.
Как вчера – и розы, и шипы.

Кто-то начал говорить: не надо
вспоминать, какой была цена.
Что ни век, Мадонна Леонардо
кормит в Пинотеке пацана.

Опухоли удаляет скальпель.
Только сердце удержат невмочь,
где на месте бывшего гестапо
факел памяти кромсает ночь.

03 декабря 2019, в самолете Мюнхен – Рига

Стрелец.
Бумага, акварель, 35X50 см.